

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

Т как продумать
РАЗДНИК

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА НА ЧУВСТВА

Екатерина Мордвинцева
Как профукать праздник.
Служебная записка на чувства

<https://litres.ru/74211568>

Аннотация

Она ненавидела своего начальника два года. Он заставил её остаться в новогоднюю ночь — и это спасло ей жизнь. Но её подруги полетели без неё. Самолёт пропал. Как жить дальше, когда ты влюбляешься в того, кто должен был быть твоим врагом?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	24
Глава 2	39
Глава 3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Пролог

Я сижу в кафе, и этот вечер пахнет корицей и мандаринами.

Вокруг нас — обычная предновогодняя суета: официанты снуют между столиков, где-то на заднем плане играет приглушённая музыка, которую никто не слушает, но все привыкли к её присутствию. В больших окнах отражается иллюминация соседнего торгового центра — гирлянды, звёзды, искусственный снег, который кто-то явно перестарался распылить по стеклу. Внутри же, за нашим столиком, кипит свой, не менее оживлённый, но гораздо более важный для меня сейчас процесс.

— Ну так что решать будем? — Маша нетерпеливо подёргивает ногой, отчего наша шаткая стойка для меню начинает издавать жалобный дребезжащий звук. Она вся — сплошное движение, энергия, которая не находит выхода. В свои двадцать пять она умудряется оставаться вечным двигателем, который невозможно остановить. Волосы у неё сегодня стянуты в высокий хвост, и он смешно подпрыгивает в такт её внутреннему ритму.

— Я бы с удовольствием дома осталась, — Кристина, как всегда, хмурит свои идеальные брови, хотя все мы знаем, что через пять минут она уже будет предлагать самый безумный вариант. Сейчас она демонстративно отпивает из чашки с

капучино и ставит её на блюде с таким видом, будто совершила невероятно важное дело. Звон фарфора получается слишком громким, и я на мгновение замираю, чувствуя, как этот звук врежется в моё сознание. Почему-то сейчас, в эту секунду, он кажется мне значительным. Как будто кто-то невидимый поставил точку в каком-то предложении, которое мы ещё не успели прочесть.

— Кто бы сомневался, — Лера смеётся, и её смех разливается по залу, заставляя пару человек за соседним столиком обернуться. У неё всегда был такой смех — открытый, громкий, заразительный. В институте, бывало, мы узнавали, что она зашла в коридор, ещё до того, как видели её. — Тебя вечно никуда не вытащишь, домоседка ты наша!

— Не правда! — Кристина надувает губы, и это выглядит настолько по-детски, что я невольно улыбаюсь. Сейчас, при свете этих уютных бра, она совсем не похожа на ту серьёзную девушку, которая управляет с финансовыми отчётами в своей конторе. Она превращается в обычную девчонку, которая просто хочет, чтобы её поняли.

— Девчат, хватит! — Маша стучит ладонью по столу, и наши чашки подпрыгивают. — До нового года осталось чуть меньше месяца. Если мы не хотим дома тухнуть, надо поторопиться. И так уже вряд ли билеты куда-то найдём, что не может не огорчать.

Она права. Я смотрю на календарь в телефоне — третье декабря. Обычно мы начинаем планировать Новый год за два

месяца, а в этот раз всё как-то не клеилось. То у одной срочная командировка, то у другой проблемы с документами, то третья просто выпала из общего чата, погрузившись в работу с головой. И вот теперь мы сидим здесь, в этом уютном кафе с деревянными столами и запахом свежей выпечки, и пытаемся за две с половиной недели устроить себе праздник, который запомнится надолго.

— Это точно, — выдыхаю я, и сама не узнаю свой голос. Он звучит как-то глухо, с надрывом, и я даже не сразу понимаю, что это я. — И так уже неделю думаем.

Слова вылетают раньше, чем я успеваю их обдумать. Неделя. Целых семь дней мы перекидываемся ссылками на туры, строим догадки, спорим, и всё никак не можем прийти к единому решению. В глубине души я начинаю бояться, что этот Новый год мы проведём каждая в своей квартире, обмениваясь дежурными «С новым годом!» в мессенджере и засыпая под телевизор до боя курантов.

— У кого какие предложения? — Маша снова берёт инициативу в свои руки, и я чувствую, как внутри поднимается что-то тёплое. Спасибо ей. Если бы не её напор, мы бы, наверное, так и продолжали пересылаться смайликами и делать вид, что время ещё есть.

— Я на море хочу, к солнышку, — мечтательно произносит Женька и закатывает глаза к потолку, словно там уже видит пальмы и бирюзовую воду. Она всегда была нашей главной романтической натурой — та, кто верит в судьбу, в знаки

и в то, что Новый год обязательно нужно встречать в новом месте, чтобы начать новую жизнь. — Представляете: тёплый песок, волны, мы в лёгких платьях, а где-то там, далеко, остаётся этот снег и эти бесконечные куртки...

— Размечталась! — я не выдерживаю и улыбаюсь, хотя в голосе стараюсь держать привычную для нас ироничную нотку. Достāju телефон, открываю приложение с турами и начинаю листать. Пальцы сами скользят по экрану, открывая одну вкладку за другой. Я так часто делала это за последние дни, что уже знаю расположение кнопок наизусть. — Так... Спешу вас огорчить: максимум, куда нам светит, — это только на какую-нибудь базу отдыха, что совсем не радует.

— Не хочу я на базу отдыха! — Женька поправляет свои огненно-рыжие локоны, и в этом движении столько досады, что мне становится почти смешно. Она действительно расстроена. — Скучно там, и ни о каком веселье не может быть и речи! Там даже дискотеки нормальной нет, только караоке с песнями восьмидесятых.

Я смотрю на неё и понимаю, что она права. База отдыха — это не то. Это будет напоминать санаторий с новогодней ёлкой и обязательным утренником для детей постояльцев. Нам нужно что-то другое. Что-то, что заставит сердце биться чаще.

И вдруг я вижу.

Среди всех этих стандартных предложений, среди десятков унылых «Отелей у моря» и «Турбаз с питанием», мелька-

ет что-то, от чего мои пальцы замирают. Горящий тур. Вылет двадцать пятого декабря, ночью. Семь ночей, полный пансион, пляж, экскурсии. И цена, которая кажется почти неприличной за такое.

— О! — я слышу свой голос со стороны — он звучит так, будто я только что нашла клад. — Есть горящий тур! Вылет двадцать пятого ночью, и это отличная возможность!

— И куда? — Кристина отодвигается в сторону, пропуская официанта, который наконец приносит наш заказ. Пахнет жареным мясом, травами и чем-то ещё, отчего у меня начинает урчать в животе, но я не могу оторваться от экрана. Пальцы сами открывают детали тура, и я с жадностью вчитываюсь в строчки.

— Так куда? — Кристина поворачивается ко мне, отодвинув свою тарелку, и смотрит с таким выражением, будто от моего ответа зависит всё будущее человечества. Наверное, в этот момент для неё оно и зависит. Мы все уже в ожидании, мы все уже почти согласны на что угодно, лишь бы не оставаться дома, лишь бы не смотреть в очередной раз «Иронию судьбы» по телевизору, хотя, конечно, посмотрим в любом случае.

— Потом сюрприз будет, — я подмигиваю, чувствуя, как внутри разливается тепло. Мне нравится их интриговать, нравится чувствовать себя центром этого маленького заговора. На самом деле я просто хочу убедиться, что они согласятся, прежде чем озвучивать название. Боюсь сглазить, на-

верное.

— Нет-нет-нет! — Кристина почти подпрыгивает на стуле. — Как минимум я должна знать, что с собой брать, чтобы всё было готово! Я не могу собрать чемодан в никуда!

— Трусики, бусики и денег побольше, — Лера снова смеётся, и на этот раз к ней присоединяются Маша и Женька. Даже Кристина не может сдержать улыбку, хотя и пытается сохранить серьёзное лицо.

— Ну я серьёзно! — она обиженно поджимает губы, но я вижу, что в глазах уже пляшут искорки.

— Да ладно тебе, не обижайся, — я наконец сдаюсь и разворачиваю телефон так, чтобы они все видели. На экране — описание курортного городка, о котором, признаться, я сама слышу впервые. Но фотографии там такие, что у меня захватывает дух. Белые домики на склоне холма, бухта с бирюзовой водой, пальмы, уходящие в небо. — Вот сюда. Тут тепло, тут красиво, и, судя по отзывам, тут очень даже весело. Что скажете?

На секунду за столом наступает тишина. Я смотрю на их лица — Маша склонила голову набок и вчитывается в экран, Женька уже открыла свой телефон, чтобы найти больше фотографий, Лера просто улыбается, а Кристина... Кристина медленно кивает, и это кивок — как приговор.

— Ну что, все согласны? — спрашиваю я, хотя уже знаю ответ.

— Согласны или нет, возражения не принимаются! — Ма-

ша поднимает свою чашку с фруктовым чаем, и я замечаю, как дрожит её рука — от волнения или от предвкушения, не важно. — Празднуем Новый год под яркими лучами солнца! За новогоднее приключение!

— За лучший Новый год! — мы поднимаем чашки, и звон фарфора разносится по кафе, перекрывая даже приглушённую музыку.

Я пью свой кофе и чувствую, как внутри всё поёт. Мы сделали это. Мы решились. Через три недели я буду лежать на тёплом песке, слушать шум прибоя и смеяться над тем, как мы нервничали в этом кафе.

Мне и в голову не приходит, что это решение окажется не просто выбором места для праздника, а поворотной точкой, разделившей мою жизнь на две половины.

Дни после того вечера летят с пугающей быстротой.

Я помню, как впервые за долгое время проснулась с ощущением, что впереди есть что-то, ради чего стоит вставать с кровати. Обычно декабрь для меня — это бесконечная череда серых утренних сумерек, холодных остановок в ожидании маршрутки и однообразных рабочих будней. Но теперь всё иначе. Теперь каждый день приближает меня к морю, к солнцу, к тому самому ощущению свободы, которого мне так не хватало.

Я начала собирать чемодан за две недели до вылета. Это, наверное, смешно — девушка, которая раскладывает купальники и лёгкие платья, когда за окном метёт позёмка.

Но мне нравилось это предвкушение. Я достала с антресолей летние вещи, перебрала их, примерила перед зеркалом и поймала себя на мысли, что улыбаюсь. Просто так, без причины.

На работе я тоже была другой. Даже привычные раздражающие мелочи не могли испортить мне настроение. Я отвечала на звонки с улыбкой, готовила отчёты быстрее обычного и несколько раз поймала на себе удивлённые взгляды коллег. Пусть думают, что хотят. Я просто знала, что через две недели меня здесь не будет.

С подругами мы обменивались сообщениями чуть ли не каждый час. Общий чат превратился в бесконечный поток фотографий, списков, шуток и обсуждений. Маша отправила нам скриншот погоды в том самом курортном городке — двадцать пять градусов тепла. Женька скинула ссылку на плейлист с песнями, которые обязательно нужно взять с собой. Кристина, которая до последнего делала вид, что ей всё равно, выложила фото трёх пар новых сандалий с вопросом: «Какие лучше?»

Я смеялась, глядя в экран, и чувствовала, как этот смех наполняет меня изнутри. Светом, наверное. Или чем-то таким, что я давно уже не ощущала.

Мы договорились встретиться в аэропорту двадцать четвёртого декабря, вечером. Вылет был в два часа ночи, но мы хотели успеть нормально зарегистрироваться, сдать багаж и выпить по бокалу шампанского в кафе перед выходом на по-

садку. Я даже придумала тост — «За горизонт, который мы каждый раз обещаем себе пересечь, но никогда не решаемся».

Мне казалось, что всё уже решено. Что осталось только дожждаться этого вечера, сесть в самолёт и проснуться в другом мире.

Я не знала, что мир, в котором я проснусь, будет совсем другим.

Двадцать третьего декабря, в пять часов вечера, когда я уже собиралась домой, чтобы в последний раз проверить, всё ли положила, меня вызвал начальник.

Я мысленно называю его Змеем Горынычем. Не за внешность — внешность у него, если честно, вполне себе ничего. Высокий, подтянутый, с вечно небрежно зачёсанными назад тёмными волосами и серыми глазами, которые могут смотреть так, что хочется провалиться сквозь землю. Он из тех людей, которые никогда не повышают голос, но каждое их слово звучит как приговор. И он всегда, всегда добивается своего.

В моём списке его «достижений» за два года работы уже значились: отмена моего отпуска в мае из-за внезапной проверки; три переделанных за выходные отчёта, которые он потом даже не посмотрел; командировка в другой город за день до моего дня рождения; и бесконечные «Инга, это срочно», которые возникали всегда в самый неподходящий момент.

И вот теперь — это.

Я вошла в его кабинет, ещё надеясь, что речь идёт о чём-то обычном: подписать счета, согласовать график, обсудить план на январь. Он сидел за столом, листая какие-то бумаги, и даже не поднял головы, когда я появилась на пороге. Я ждала. Секунду, вторую, третью. В кабинете было тихо, только часы на стене мерно отсчитывали время. Тик-так. Тик-так. Каждый удар отдавался у меня в висках.

— Садитесь, Инга, — наконец произнёс он, и этот тон — спокойный, ровный, без намёка на извинения — заставил меня напрячься. Я села на край стула, чувствуя, как внутри поднимается тревога.

Он пододвинул ко мне папку, плотно набитую документами.

— Проект, который мы готовим к первому кварталу, нужно сдать до двадцать пятого декабря. Иначе мы теряем финансирование, а с ним и весь следующий год. — Он поднял на меня глаза, и я увидела в них то, что видела уже сотни раз: спокойную уверенность человека, который не привык встречать сопротивление. — Документы должны быть подписаны и отправлены до полуночи двадцать четвёртого. Это значит, что двадцать четвёртого вы работаете.

— Я улетаю двадцать четвёртого, — сказала я, и мой голос прозвучал ровно, хотя внутри всё кипело. — У меня отпуск с двадцать пятого, но вылет в ночь на двадцать пятое. Я буду в аэропорту вечером двадцать четвёртого.

— Значит, вы не будете в аэропорту. — Он сказал это так,

будто речь шла о переносе обеда на час позже. — Отпуск переносится. Проект важнее.

— Но билеты уже куплены, — я почувствовала, как кровь приливает к лицу. — Оплачены. Мы бронировали тур, и...

— Инга, — он перебил меня, и его голос стал чуть твёрже, — я не спрашиваю, удобно вам или нет. Я ставлю вас в известность. Без этих подписей проект не сдадут. Вы знаете эти документы лучше всех, вы вели их с самого начала. Если вы уедете, мы не успеем найти замену, и всё пойдёт под откос. Это понятно?

Я открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле. Потому что он был прав. Абсолютно, бесконечно прав. Эти документы действительно вела я. Каждая страница, каждая подпись, каждый пункт — всё это было моей работой за последние три месяца. Я знала их наизусть. И если я уеду, никто не сможет подготовить их к сроку. Никто.

— Но почему вы не сказали раньше? — спросила я, и в моём голосе проскользнуло что-то похожее на отчаяние. — Вы знали, что я беру отпуск. Вы подписывали заявление две недели назад. Вы могли предупредить меня тогда, и мы бы...

— Я предупреждаю вас сейчас, — он снова опустил глаза в бумаги, давая понять, что разговор окончен. — Двадцать четвёртого жду вас в офисе. Документы нужно будет разослать контрагентам до полуночи. Можете идти.

Я встала. Руки дрожали, и я сжала их в кулаки, чтобы он не заметил. В голове был какой-то белый шум, а перед глаза-

ми всё плыло. Я вышла из кабинета, закрыла за собой дверь и прислонилась к стене в коридоре.

Нет. Этого не может быть. Не со мной. Не сейчас.

Я достала телефон, открыла общий чат и посмотрела на последние сообщения. Маша писала, что купила новую сумку для пляжа. Женька скинула фотографию своего чемодана, уже наполовину собранного. Лера прислала эмодзи с пальмами.

Мои пальцы замерли над экраном. Что я им скажу? Что мой начальник-дракон решил испортить мне жизнь в последний момент? Что я не полечу? Что они будут там, без меня?

Я убрала телефон и пошла к выходу, чувствуя, как внутри разрастается тяжёлая, горькая пустота.

Вечер двадцать четвёртого декабря я встретила в аэропорту, но не у стойки регистрации, а в маленьком кафе на втором этаже, откуда открывался вид на главный зал.

Я сидела за столиком у окна, передо мной стояла чашка остывшего кофе, который я так и не допила. Вокруг суетились люди — кто-то торопился на посадку, кто-то обнимался на прощание, кто-то тащил огромные чемоданы, украшенные новогодними лентами. В динамиках объявляли рейсы, и голос диспетчера казался каким-то неестественно бодрым, словно он не знал, что внутри меня всё рухнуло.

Я смотрела на стеклянные двери, ведущие к регистрации, и ждала.

Они пришли почти одновременно — Маша, Женя, Лера, Даша. Я увидела их ещё издалека: Маша катила большой розовый чемодан, на котором болталась игрушечная еловая ветка; Женя, как всегда, тащила сумку через плечо и параллельно говорила по телефону; Лера смеялась чему-то, что сказала Даша, и этот смех долетел даже до меня, хотя звуки в зале смешивались в сплошной гул.

Я подняла руку, и Маша заметила меня первой. Она радостно замахала в ответ и что-то крикнула остальным, указывая в мою сторону. Через минуту они уже стояли передо мной, и их лица светились таким предвкушением, что у меня защемило сердце.

— Ты чего здесь сидишь? — Маша наклонилась, чтобы обнять меня, и от неё пахло мандаринами и новогодним настроением. — Пойдём регистрироваться, мы же хотели вместе.

— Я не лечу, — сказала я, и эти два слова прозвучали так глухо, так неправильно, что на секунду все замерли.

— Что значит «не лечишь»? — переспросила Лера, не расслышав.

— Не лечу, — повторила я громче. — Начальник заставил остаться. Проект, документы, подписи. Я должна быть в офисе сегодня вечером.

Тишина. Я смотрела на их лица и видела, как недоумение сменяется разочарованием, а потом — сочувствием. Это было даже хуже, чем если бы они рассердились. Сочувствие

значило, что они действительно поняли, что я остаюсь. Что всё серьёзно.

— Но как же... — начала Женя, и её голос дрогнул.

— Никак, — я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Летите без меня. Хорошо отдохните. За меня тоже.

— Это нечестно, — Даша покачала головой. — Ты же так ждала.

— Я знаю. — Я перевела взгляд на табло, где горел наш рейс. До вылета оставалось три часа. — Идите, регистрируйтесь. А я пока тут посижу, побуду с вами ещё немного.

Они не хотели уходить. Маша даже предложила попробовать сдать билеты и остаться со мной, но я заставила их идти. Это было глупо — портить праздник ещё и им. Пусть летят. Пусть наслаждаются. Я справлюсь.

Я наблюдала, как они проходят регистрацию, как ставят чемоданы на ленту, как смеются, оглядываясь на меня. Маша помахала мне рукой, и я помахала в ответ, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

Потом пришло сообщение от Вари. Она не полетела — осталась в городе по семейным обстоятельствам, и теперь мы с ней стали своеобразной «группой поддержки» для тех, кто улетал. Мы созвонились по видео, и я увидела её лицо на экране — взволнованное, но улыбающееся.

— Инга, всё-таки жаль, что твой босс такой гад оказался, — сказала она, и в её голосе было столько искреннего сочув-

ствия, что я едва сдержалась, чтобы не разреветься.

— Я не понимаю, почему нельзя было дать тебе эти важные документы раньше? — возмутилась Маша, которая вдруг оказалась рядом с Варей на экране. — Ну ведь он точно знал, что они понадобятся. Это ведь очевидно!

— Да гад он просто! — я откинулась на спинку кресла и закатила глаза. Внутри всё кипело от обиды и бессилия. — Мне уже кажется, что он специально это сделал, чтобы праздник мне испортить, просто воплощая свои злые намерения.

— Вот-вот! — Варя подхватила, и её смех прозвучал для меня как бальзам. — Я бы на твоём месте ему тоже настроение подпортила!

Я улыбнулась, впервые за этот вечер. Они всегда умели меня поддержать.

— Ладно, что уж теперь... — я вздохнула, прогоняя тоску. — Вы там повеселитесь и за меня тоже. Кстати, а где остальные? Что-то их не видно. Посадка уже скоро, и пора готовиться к полёту!

Маша обернулась, и я увидела, как она оглядывает зал. На экране мелькнули Женя и Даша, а потом Маша помахала кому-то рукой.

— Вон девчонки бегут, — кивнула она куда-то в сторону. — Сейчас подойдут.

Я смотрела, как они собираются вместе, как смеются, как обсуждают что-то, и мне хотелось быть там, среди них. Но

вместо этого я сидела здесь, в этом кафе, с остывшим кофе и чувством, что мир сузился до размеров экрана телефона.

— А Крис и Ольга где пропали? — вдруг спросила Маша, и я увидела, как она оглядывается по сторонам.

Варя нахмурилась. Я тоже почувствовала, как внутри шевельнулось что-то нехорошее.

— Надо бы им позвонить, — сказала она и набрала номер. Гудки шли долго. Слишком долго. Я смотрела на экран, затаив дыхание, хотя сама не понимала, чего боюсь. Ну не отвечают подруги, бывает. Может, в пробке, может, не слышат.

Но Варя побледнела. Я видела это даже через экран. — Что? — спросила я, и мой голос прозвучал резче, чем я хотела.

— Не отвечают, — сказала она и набрала снова. Потом подошла Женя, и я услышала её вопрос: «Ты чего такая? Будто пыльным мешком тебя огрели».

— Кристинка не отвечает, — бросила Варя, и в её голосе появились стальные нотки.

— Так они с Олей должны были вместе приехать. Сейчас я наберу ей, — сказала Женя и достала свой телефон.

Я смотрела на экран и не могла отвести глаз. Внутри нарастало странное напряжение, будто перед грозой, когда воздух становится тяжёлым и трудно дышать.

Женя набрала номер. Ждала. Я видела, как её пальцы сжимают телефон, как она кусает губу.

— Ну наконец-то! — выдохнула она, и у меня отлегло от сердца. — Не дозвонишься вам. Вы где пропали? Скоро вылет!

Но потом её лицо изменилось. Краска схлынула, оставляя кожу бледной, почти прозрачной.

— Вы в порядке? — спросила она, и в её голосе появилось что-то, отчего у меня похолодело внутри.

Тишина. Женя слушала, и я видела, как её глаза расширяются.

— Что там? — Маша подошла ближе, и теперь они обе смотрели на Женю, ожидая ответа.

— Она сильно пострадала? — спросила Женя, и у меня оборвалось сердце. — ...А ты? ... Поняла...

Она сбросила вызов и повернулась к остальным.

— Девчонки в аварию попали, — сказала она, и её голос звучал ровно, но я видела, как дрожат её руки. — Все живы, но... Кристина с лёгким сотрясением в больнице, а Оля отделалась лёгкими ушибами. Сказали, чтобы мы не суетились и летели без них.

— Но как же? Надо к ним! — Маша схватила свой чемодан, и я увидела, как она готова броситься на выход.

— Они в порядке, ты всё равно ничем им не поможешь, — осадила её Женя.

В динамиках объявили начало посадки на наш рейс. Голос диспетчера звучал спокойно, буднично, словно ничего не случилось.

— Идёмте! — скомандовала Маша и первой направилась к выходу на посадку.

Я смотрела на экран и не могла пошевелиться. Авария. Больница. И эти три слова, которые Женя произнесла, пытаюсь всех успокоить: «Все живы». Но в голове почему-то крутилось другое: «Все живы, но».

— Всё равно это не по-человечески, — бурчала Варя, которая шла за ними, и я видела, как она оглядывается, словно надеясь, что Кристина и Оля вот-вот появятся из-за угла.

— Ну хватит уже! — оборвала её Женя. — Что ты хочешь? Билеты сдать и остаться? И что толку? Олю даже в больницу не забирали, но она просто не успевает доехать, Крис осмотрят и домой отпустят. Они сами сказали, чтобы мы без них летели, и важно сохранять спокойствие. Они постараются поменять билеты и прилетят позже.

— Женька права, — поддержала её Маша, протягивая документы сотруднику аэропорта.

Я смотрела, как они проходят регистрацию, как ставят багаж на ленту, как Женя оглядывается на Дашу, которая задержалась у стойки. И вдруг я увидела, как Даша побледнела.

— Ой... — её рука нырнула в сумку, потом вынырнула. — Обокрали...

— Что?! — Маша рванулась к ней, но сотрудница аэропорта преградила ей путь.

— Девушка, проходите, не задерживайте!

— Но у нас там подруга! — закричала Маша, но её уже

подталкивали вперёд.

— Не волнуйтесь. Разберёмся, — ответила сотрудница, но я видела, что это ничего не значит.

Даша осталась. Я видела, как она растерянно оглядывается, как сотрудники что-то говорят ей, как она пытается объяснить, что у неё украли документы.

А потом экран погас. Связь прервалась.

Я сидела в кафе, сжимая телефон в руках, и не могла пошевелиться. В голове крутились обрывки: авария, больница, кража. Крис и Оля не летят. Даша не летит. Варя не полетела. А я? Я тоже не полечу.

Но они-то должны были. Маша, Женя, Лера — они прошли регистрацию. Они ушли на посадку. Они в самолёте.

Я посмотрела на табло. Рейс значился как «посадка завершена».

Внутри поднялось что-то странное, тяжёлое, липкое. Не страх — нет, я бы назвала это предчувствием, но это слово кажется слишком лёгким для того, что я ощутила. Это было похоже на ледяную руку, которая сжала моё сердце и не отпускала. На какой-то миг мне показалось, что всё вокруг замерло — люди, свет, даже время. И в этой тишине я услышала свой внутренний голос, который сказал: «Что-то случится. Что-то уже случилось».

Я помотала головой, прогоняя наваждение. Глупости. Всё будет хорошо. Они улетят, отдохнут, вернутся и будут смеяться над тем, как мы переволновались. Кристину выпишут

из больницы, Даша восстановит документы, и через пару дней они присоединятся к остальным. А я... я поеду в офис и подпишу эти чёртовы бумаги.

Я встала, надела пальто, поправила сумку. Официант подошёл к столику, чтобы убрать чашку, и я машинально сказала: «Сдачи не надо».

Выходя из кафе, я ещё раз взглянула на табло. Рейс — «вылет по расписанию».

На улице шёл снег. Крупные хлопья ложились на плечи, на волосы, на тротуар, превращая аэропортовскую площадь в белую пустыню. Я подняла руку, чтобы поймать такси, и в этот момент почувствовала, как телефон завибрировал.

Сообщение от Вари: «Девчонки вылетели. Я осталась в аэропорту, жду Дашу. Она в полиции. Кристину уже выпишывают. Всё будет хорошо».

Я набрала в ответ: «Да. Всё будет хорошо».

Такси подъехало через минуту. Я назвала адрес офиса, устроилась на заднем сиденье и уставилась в окно. За стеклом проплывали новогодние огни, витрины, украшенные ёлки, люди с подарками. Город жил своей привычной жизнью, не зная, что в моём мире только что что-то сдвинулось.

Я ещё не знала, что этот вечер разделит мою жизнь на «до» и «после».

Глава 1

Офис встречает меня тишиной.

Я толкаю тяжёлую стеклянную дверь, и она с едва уловимым шипением закрывается за моей спиной, отсекая последние звуки уходящего года. В вестибюле уже погасили половину светильников — только дежурное освещение, тусклое, желтоватое, которое делает помещение похожим на аквариум на ночь. Ёлка в углу всё ещё мигает разноцветными огнями, но выглядит это почти насмешливо: зелёная, нарядная, с золотыми шарами и гирляндами, которые кто-то из коллег повесил ещё в начале декабря, она стоит здесь, словно издеваясь надо мной. Весёлый праздник для всех, но не для меня.

Я прохожу через турникет, прикладываю пропуск — электронный щелчок разрывает тишину, и на мгновение мне кажется, что звук слишком громкий, будто я нарушила что-то важное. В пустом здании любой шум кажется преступлением. На ресепшене никого нет — администраторы разошлись ещё в четыре, оставив на стойке коробку с конфетами и надписью фломастером: «С наступающим!» Я беру одну конфету машинально, даже не глядя на обёртку, и кладу в карман пальто. Не потому что хочу, а потому что так делают нормальные люди в предновогодний вечер.

Я не чувствую себя нормальной. Я чувствую себя обманутой.

Лифт поднимает меня на седьмой этаж, и я выхожу в коридор, который тянется бесконечной чередой закрытых дверей. Кабинеты пусты. Все стёкла — матовые, никто не горит светом. Даже вентиляция, кажется, работает вполсилы, едва слышно гудя где-то над потолком. Мои шаги по ковролину звучат глухо, но я всё равно стараюсь ступать осторожно — глупая привычка, словно я могу потревожить чей-то покой. Здесь никого нет. Во всей этой огромной стеклянно-бетонной коробке, где днём кипит жизнь, мелькают люди, трещат телефоны и пахнет кофе из кулера, сейчас осталась только я.

И он.

Я останавливаюсь перед дверью в наш отдел. Свет внутри горит — я вижу узкую полоску под дверью, тёплую, жёлтую. Значит, он уже здесь. Или ещё не уходил. Я не знаю, что хуже: думать, что Кирилл специально приехал в офис в канун Нового года, чтобы лично убедиться, что я делаю то, что он велел, или что он вообще не уезжал, ночевал здесь, зарывшись в свои бесконечные бумаги, и ему всё равно, что за окнами — снег, праздник, чужие счастливые лица.

Я толкаю дверь и захожу в открытое пространство.

В нашем отделе всегда было уютно — по крайней мере, по корпоративным меркам. Большие столы, разделённые невысокими перегородками, живые растения на подоконниках, доска для объявлений, на которой сейчас красуется нарисованная от руки снежинка и календарь на январь с чьей-то забавной пометкой: «Новый год — новые возможности!» Я

смотрю на эту надпись и чувствую, как желчь подступает к горлу. Новые возможности. У меня была возможность улететь на море, но кто-то решил иначе.

Мой стол — в углу, у окна. Я люблю это место в обычные дни: видно полнеба, крыши домов, шпиль высотки на набережной. Сейчас за окном темно, и в стекле отражается пустой офис, пустые стулья, пустая я. Я вешаю пальто на спинку, сажусь в кресло и некоторое время просто сижу, глядя на стопку папок, которые аккуратно сложила перед уходом ещё вчера, когда верила, что больше сюда не вернусь до следующего года.

Сейчас я здесь. И это его вина.

Кирилл Сергеевич. Начальник отдела развития. Мой начальник. Мой личный бич последних двух лет.

Я закрываю глаза и позволяю себе то, чего обычно не позволяю на работе, — ненавидеть его открыто, без прикрытия, без дежурной улыбки и вежливого «хорошо, я сделаю». Потому что сейчас никто не видит. Потому что сейчас я могу себе это позволить.

Я ненавижу его за тот майский отпуск, который он отменил за два дня до вылета. Мы с подругами должны были лететь в Сочи, снять домик на берегу, гулять по набережной, есть чурчхелу и смеяться до утра. Я уже собрала чемодан, купила новые сандалии, даже выбрала книгу, которую хотела прочесть на пляже. А потом он вызвал меня в кабинет и своим ровным, спокойным, бесконечно бесящим голосом

сказал, что пришла внеплановая проверка, что я — единственный сотрудник, который в курсе всех нюансов, и что отпуск придётся перенести. Я тогда попыталась возражать, сказать, что билеты не вернут, что это нечестно. Он посмотрел на меня своими серыми глазами и сказал: «Инга, работа не всегда справедлива. Вы это знаете». Я знала. И я осталась.

Я ненавижу его за командировки в последний момент. За то, что я могу планировать выходные, а он — позвонить в пятницу вечером и сказать: «В понедельник выезжаете в Нижний. Документы в почте». Не спрашивая, есть ли у меня планы. Не интересуясь, хочу ли я ехать. Просто ставя перед фактом, потому что он начальник, а я — исполнитель. Потому что у меня нет ипотеки и маленьких детей, и он считает, что это делает меня мобильным ресурсом, который можно использовать без оглядки на личную жизнь.

Я ненавижу его сарказм. Эта его манера говорить «я надеюсь, это не слишком сложная задача для вашей квалификации», когда даёт поручение, с которым я уже работала десятки раз. Или его фирменное «вы гениальны, Инга» — с таким выражением лица, будто он говорит прямо противоположное. Он никогда не кричит. Он никогда не повышает голос. Но каждое его слово пропитано таким холодным превосходством, что хочется то ли провалиться сквозь землю, то ли бросить в него чем-нибудь тяжёлым.

Я ненавижу его за то, как он смотрит. Сквозь. Будто я не человек, а функция. Часть рабочего процесса, которая долж-

на функционировать без сбоев. Он никогда не спросит, как прошли выходные, не заметит новую стрижку, не скажет «хорошо выглядите» просто так, из вежливости. Я для него — машина по обработке документов. И сейчас эта машина работает в канун Нового года, потому что главный инженер решил, что проект важнее моего отпуска.

Я открываю глаза и смотрю на папки. Верхняя — с надписью «Срочно. К подписанию». Внутри — договоры, акты, дополнительные соглашения. Семьдесят три страницы мелкого текста, который я должна проверить, сверить с оригиналами, убедиться, что все исправления внесены, и подготовить финальную версию к отправке. Всё это нужно было сделать ещё неделю назад. Всё это затянули контрагенты, потом юристы, потом ещё кто-то. А теперь, когда до Нового года осталось несколько часов, эти бумаги лежат у меня на столе, и я должна с ними разбираться.

Потому что он не может. Или не хочет. Или считает, что это моя работа — разгребать то, что другие не успели.

Я открываю папку и начинаю листать. Пальцы мёрзнут, хотя в офисе тепло, просто нервы. Я заставляю себя сосредоточиться на тексте, на цифрах, на подписях, которые уже стоят в некоторых местах. Подпись Кирилла — резкая, неразборчивая, с завитушкой в конце — мелькает на каждом втором листе. Он подписывал эти бумаги в течение двух недель, по мере поступления. А финальную вычитку оставил мне. Потому что я делаю это лучше всех. Потому что я никогда

не ошибаюсь. Потому что ему лень.

Я переворачиваю страницу, и взгляд падает на пункт, который вызывает сомнение. Формулировка расплывчатая, можно трактовать двояко. В обычный день я бы подошла к нему, уточнила. Но сейчас я зла, и мне не хочется с ним разговаривать. Я делаю пометку стикером, откладываю договор в сторону. Пусть смотрит сам. Это не моя работа — думать за него.

В соседнем кабинете что-то падает. Глухой стук, потом шорох, и тишина.

Я замираю. Сердце на секунду пропускает удар, а потом начинает колотиться где-то в горле. Я смотрю на дверь, ведущую в кабинет начальника. Он там. Я знала, что он там, но до этого момента мне удавалось не думать об этом, просто абстрагироваться. Теперь же стук напомнил: я здесь не одна.

Я жду, что дверь откроется, он выйдет, скажет что-нибудь едкое вроде «вы уже приступили?» или «я надеюсь, вы не собираетесь задерживаться?». Но проходит минута, другая — тишина. Видимо, он занят своим.

Я возвращаюсь к бумагам. Пальцы перебирают листы, глаза скользят по строкам, но мысли где-то далеко. Я вспоминаю вчерашний вечер, когда мы с подругами в последний раз созванивались по видео. Я тогда уже знала, что не лечу, но не говорила им. Не хотела портить настроение. Я улыбалась, махала рукой, желала счастливого пути, а потом, когда связь прервалась, сидела в пустой квартире и смотрела в стену.

Мне кажется, я никогда раньше так сильно не злилась. Не на обстоятельства, не на случайность — на конкретного человека. На него.

Потому что он мог сказать раньше. Мог предупредить за неделю, когда я подавала заявление на отпуск. Мог сказать: «Инга, у нас в декабре сложный проект, лучше не планируйте ничего на эти даты». Но он подписал заявление. Поставил свою закорючку. А потом, в последний момент, передёрнул всё, потому что ему так удобнее.

Я представляю его лицо — спокойное, невозмутимое, с лёгкой складкой между бровями, которую он хмурит, когда сосредоточен. В моём воображении это лицо всегда кажется высеченным из камня. Ни эмоций, ни сомнений, ни человеческой слабости. Просто работа, планы, дедлайны. И я — всего лишь инструмент для достижения этих планов.

Звук шагов заставляет меня вздрогнуть. Дверь в кабинет открывается, и на пороге появляется он.

Кирилл выглядит так, как всегда: тёмные брюки, белая рубашка с закатанными до локтя рукавами, на лице — привычное выражение лёгкой сосредоточенности. Только галстука нет, и это, наверное, единственная уступка праздничному дню. Волосы чуть взлохмачены, будто он провёл по ним рукой несколько раз. В руках — кружка с остывшим кофе, который он, судя по всему, забыл допить.

— Вы здесь, — говорит он, и это звучит не как вопрос, а как констатация факта.

— Как видите, — отвечаю я, и в голосе проскальзывает больше резкости, чем я хотела бы.

Он не обращает внимания. Проходит к кулеру, наливает воду, медленно, сосредоточенно. Я смотрю на его спину — широкие плечи, идеально отглаженная рубашка, и на мгновение мне кажется, что он тоже устал. Что эти две недели были тяжёлыми не только для меня. Но я тут же отгоняю эту мысль. Ему не на что жаловаться. Он — начальник. Он сам выбирает, когда работать, когда отдыхать, кому поручить срочную задачу, а кого отправить в отпуск. Это он выбрал меня.

— Как продвигается? — спрашивает он, не оборачиваясь.

— Почти закончила, — вру я. Я даже не начала по-настоящему.

— Хорошо. — Он поворачивается, делает глоток воды, и его взгляд на мгновение задерживается на мне. Я чувствую этот взгляд кожей — изучающий, оценивающий. — После того как отправите, можете быть свободны.

— После полуночи, — уточняю я. — Как вы и сказали.

Он молчит. Его лицо не меняется, но я замечаю, как он чуть прищуривается, будто пытается прочесть что-то в моих глазах. Я смотрю в ответ, не отводя взгляда. Пусть видит, что я зла. Пусть знает. Мне всё равно.

— Если вы считаете, что я специально вас задержал... — начинает он, но я перебиваю.

— А разве нет?

Тишина. В кабинете становится так тихо, что я слышу, как тикают часы на стене — большие, круглые, с римскими цифрами, которые висели здесь ещё до того, как он занял это кресло. Тик-так, тик-так. Каждый удар отдаётся в висках.

— Я понимаю, что вы расстроены, — наконец говорит Кирилл, и его голос звучит мягче, чем обычно. Но в этой мягкости мне чудится снисходительность, и это бесит ещё больше. — Но проект действительно требует...

— Проект требовал моей работы две недели назад, — говорю я, и слова вылетают быстрее, чем я успеваю их обдумать. — Если бы вы распределили задачи вовремя, мы бы всё сдали ещё в прошлую пятницу, и я сейчас была бы в аэропорту.

Он смотрит на меня долгим взглядом. Я ожидаю, что он скажет что-то вроде «вы забываетесь, Инга» или «ваше дело — выполнять, а не оценивать». Но он молчит. Потом отворачивается и идёт обратно в кабинет.

— Закончите к двенадцати, — бросает через плечо. — И не забудьте проверить пункт 7.3 в третьем договоре. Там могут быть нестыковки.

Дверь закрывается, оставляя меня одну в пустом оупенспейсе.

Я смотрю на закрытую дверь и чувствую, как внутри всё клокочет. Он знал. Он знал про пункт 7.3, но не сказал раньше. Не исправил. Оставил мне, чтобы я нашла, отметила, вернула ему на переделку. А потом снова проверила. Пото-

му что так быстрее, чем делать самому. Потому что я — его личный корректор, его вычитка, его «сделайте, пожалуйста, волшебство».

Я тяжело выдыхаю и возвращаюсь к бумагам. Нахожу третий договор, пункт 7.3. Действительно, нестыковка: ссылка на несуществующее приложение. Я ставлю пометку, откладываю. В голове крутится одна и та же мысль: почему он не мог сделать это сам? Просто взять и проверить. Это заняло бы пять минут. Пять минут, которые спасли бы мне вечер. Которых хватило бы, чтобы успеть на регистрацию. Которые...

Я зажмуриваюсь и заставляю себя остановиться. Думать об этом бесполезно. Всё уже случилось. Я здесь, они там, и ничего не изменить.

Я работаю. Страница за страницей, пункт за пунктом. Нахожу ещё одну ошибку в пятом договоре — опечатка в сумме. Исправляю, помечаю. В седьмом — не совпадают даты. В девятом — подпись стоит не на том месте. Мелочи, которые можно было исправить за минуту, но которые накапливаются, как снежный ком, и теперь я сижу здесь, в пустом офисе, и разгребаю чужую невнимательность.

Часы показывают десять.

Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю в окно. За стеклом — ночной город, усыпанный огнями. Где-то там люди накрывают столы, достают шампанское, загадывают желания. Где-то там мои подруги уже в воздухе, летят к солнцу, к

теплу, к новому году, который для них начнётся на рассвете где-то над океаном.

Я достаю телефон. Открываю соцсеть. Лента пестрит чужими счастливыми лицами: кто-то уже за столом, кто-то украшает ёлку, кто-то позирует в новогоднем наряде. Я пролистываю без интереса, пока не натыкаюсь на пост Маши.

Она выложила фото из салона самолёта. Узкое кресло, иллюминатор, за которым — темнота и огни взлётной полосы. На переднем плане — её улыбающееся лицо, рядом — Женя, которая показывает в камеру два пальца. Подпись: «Взлетаем! С наступающим, мои хорошие! В следующем году будем все вместе! P.S. Инга, мы скучаем!»

Я смотрю на это фото и чувствую, как к горлу подкатывает ком. Они там. Они летят. А я здесь.

Пальцы сами набирают комментарий: «Счастливого пути! Обнимаю». Отправляю и тут же жалею. Комментарий выглядит жалким — короткое сообщение в ленту, которое никто не заметит среди сотни других. Я хочу написать что-то ещё, что-то искреннее, но не могу подобрать слов. Всё, что я чувствую сейчас, — это злость, обида и какая-то глухая, тягучая тоска, которая не выливается в слова.

Я закрываю соцсеть и открываю чат с подругами. Там тоже сообщения: Маша прислала фото билетов, Женя — селфи в проходе самолёта, Даша (которая так и не смогла вылететь) отвечает смайликами. Я смотрю на переписку и чувствую себя чужой. Я должна была быть там. Должна была сидеть ря-

дом с ними, смеяться, фотографироваться, пить шампанское в пластиковых стаканчиках и строить планы на отдых. А я здесь. В пустом офисе. С бумагами, которые кто-то не удостоился проверить вовремя.

Телефон вибрирует — входящее сообщение от Вари: «Ты как?»»

Я смотрю на экран и не знаю, что ответить. «Нормально» — будет ложью. «Плохо» — слишком откровенно. «Злюсь» — слишком по-детски. Я набираю: «Работаю. Документы. Ты как?»»

Варя отвечает почти сразу: «Сижу с Дашей. Она уже в порядке, документы восстановят после праздников. Кристину выписали, она дома. Мы завтра собираемся у меня, приходи, если сможешь».

Я смотрю на сообщение и чувствую, как внутри что-то оттаивает. Они тоже не полетели. Не все. Я не одна.

«Постараюсь», — отвечаю я и убираю телефон.

Работа. Нужно работать. Я возвращаюсь к бумагам, переворачиваю страницы, проверяю цифры, ищу ошибки. Механическая работа, которая не требует мыслей. Я погружаюсь в неё, как в сон, позволяя цифрам и буквам заполнить голову, чтобы не думать о том, что происходит там, высоко в небе.

В одиннадцать я слышу, как дверь кабинета снова открывается.

Кирилл выходит, на этот раз с пальто в руках. Он переоделся? Или просто собрался уходить? Я не смотрю на него,

делая вид, что сосредоточена на бумагах. Пусть идёт. Пусть уходит. Мне легче работать, когда я одна.

— Инга, — он произносит моё имя, и я невольно поднимаю голову.

Он стоит в проходе, пальто перекинута через руку, и смотрит на меня с выражением, которое я не могу прочесть. Не раздражение, не усталость. Что-то другое.

— Закончите без меня, — говорит он. — Ключи оставите на ресепшене.

— Хорошо, — отвечаю я, и мой голос звучит ровно.

Он кивает, делает шаг к выходу, но останавливается. Смотрит на ёлку, на мигающие огни, потом снова на меня.

— С наступающим, — говорит он, и в его голосе впервые за этот вечер я слышу что-то похожее на неловкость. Или это мне кажется?

— С наступающим, — отвечаю я, и мы оба знаем, что это ничего не значит.

Он уходит. Я слышу, как закрывается дверь отдела, потом шаги в коридоре, потом звук лифта. И наконец — тишина.

Я одна.

Смотрю на часы — одиннадцать пятнадцать. До полуночи сорок пять минут. До Нового года сорок пять минут. До того момента, когда где-то над океаном мои подруги поднимут бокалы и скажут тост за будущее, которого я с ними не разделю.

Я откладываю бумаги, встаю и подхожу к окну. Город вни-

зу горит огнями — тысячи окон, тысячи квартир, в которых люди готовятся встретить новый год. Где-то там, возможно, тоже есть те, кто остался один. Кто работает. Кто ждёт. Кто не успел.

Я смотрю на своё отражение в стекле — бледное лицо, растрёпанные волосы, круги под глазами. Я выгляжу так, как чувствую себя: уставшей, опустошённой, выжатой. И в голове одна мысль, которую я никак не могу прогнать: всё могло быть иначе.

Я могла быть сейчас там. В самолёте. Рядом с подругами. Смеяться, обсуждать планы, смотреть в иллюминатор на звёзды. А вместо этого я здесь, в пустом офисе, с бумагами, которые никому не нужны до следующего года. С бумагами, которые кто-то мог проверить две недели назад.

Я возвращаюсь к столу, сажусь, беру в руки следующую папку. Открываю. Начинаю проверять.

Потому что это моя работа. Потому что кто-то должен это сделать. Потому что если не я, то кто?

И потому что у меня нет другого выбора.

В двенадцать часов, когда за окном начинают взлетать первые фейерверки, я ставлю подпись на последней странице. Смотрю на стопку готовых документов, на аккуратные стикеры с пометками, на свою подпись, которая выглядит чужой, незнакомой.

С Новым годом, Инга, — говорю я себе. — С Новым годом.

Телефон снова вибрирует. Сообщение от Маши: «Мы уже в воздухе! Всё отлично! Скоро будем на месте! С НОВЫМ ГОДОМ!!!»

Я смотрю на экран и улыбаюсь. Впервые за этот вечер — искренне.

«С Новым годом, — пишу я в ответ. — Отдыхайте там за меня».

Я убираю телефон, собираю папки, встаю. Оглядываю пустой офис, ёлку, которая всё ещё мигает огнями, свой стол, на котором завтра снова появятся новые бумаги. Всё это будет завтра. А сегодня — только я и тишина.

Я беру пальто, выключаю свет и выхожу в коридор.

За окнами взлетают фейерверки, и на мгновение мне кажется, что я слышу чей-то смех. Подруг. Или свой собственный. Я не знаю.

Я знаю только одно: этот Новый год я запомню надолго. Не потому, что он был весёлым. А потому, что он научил меня тому, что я не хотела знать: планы рушатся, надежды не сбываются, а люди, от которых этого не ждёшь, могут изменить твою жизнь одним решением.

Я спускаюсь вниз, выхожу на улицу. Снег идёт хлопьями, ложится на плечи, на волосы, на тротуар. Я поднимаю голову и смотрю на небо — там, где-то высоко, летят мои подруги. Туда, где солнце, тепло и новый год наступает раньше.

Я желаю им счастливого пути.

А себе — просто дожить до завтра.

Глава 2

Я просыпаюсь от того, что за окном кто-то запускает пестарду. Громкий, сухой хлопок разрывает утреннюю тишину, и я подскакиваю на кровати, не понимая, где нахожусь. Сердце колотится где-то в горле, в голове — туман, и первые несколько секунд я смотрю на потолок, пытаюсь собрать мысли в кучу.

Потом всё возвращается.

Пустой офис. Бумаги. Фейерверки за окном, когда я ставила последнюю подпись. Такси, которое везло меня домой сквозь праздничный город, украшенный гирляндами и чу-жим счастьем. Я добралась в начале второго, рухнула в постель, даже не раздеваясь, и провалилась в сон без сновидений.

Сейчас на часах половина десятого. Я проспала почти восемь часов, но чувствую себя так, будто не спала вовсе. Тело тяжёлое, голова гудит, во рту — привкус вчерашнего кофе и горечи.

Я сажусь на кровати, обхватываю колени руками и смотрю в окно. За стеклом — серое декабрьское утро, снегопад, который начался ещё вчера, не думает прекращаться. Крупные хлопья падают на подоконник, тают, оставляя мокрые разводы. Где-то внизу дворник скребёт лопатой по асфальту, и этот звук — мерный, скрежещущий — врезается в созна-

ние, не давая расслабиться.

Мысли путаются. Первая, самая яркая, самая болезненная: они уже там.

Я тянусь к телефону на тумбочке. Экран загорается, и я щурюсь от яркого света. Сообщений нет. Вообще. Ни в личных чатах, ни в общем. Тишина.

Я смотрю на время — 9:47 утра по местному. А там, куда они летели, сейчас... я открываю калькулятор времени, быстро прикидываю. Разница — плюс семь часов. Значит, там уже почти пять вечера. Они давно приземлились, заселились в отель, наверняка уже успели сходить на пляж, искупаться, выпить по коктейлю в баре.

Почему же они не едят?

Я отбрасываю одеяло, босиком иду на кухню, чтобы включить чайник. Пол холодный, ступни немеют, но я не чувствую. В голове крутится одна и та же мысль: написать им самой или подождать? Не хочу выглядеть навязчивой. Они отдыхают, у них праздник, а я — та, кто не полетел, та, кто осталась. Мои сообщения будут напоминанием о том, что не всё сложилось идеально. Может, они просто хотят побыть в этом моменте, не отвлекаясь на телефоны.

Чайник закипает, я завариваю кофе — растворимый, потому что лень возиться с туркой. Сажусь на подоконник, обхватив кружку ладонями, и смотрю на снег. Город за окном выглядит непривычно тихим. Первое января — день, когда все отсыпается после праздника, когда улицы пусты, а ма-

газины закрыты. Только дворники и редкие прохожие в тёплых куртках нарушают эту тишину.

Я делаю глоток — кофе горчит, обжигает язык. Ставлю кружку на подоконник, снова беру телефон. Открываю соцсеть — Маша не выкладывала ничего нового. Последний пост — то самое фото из самолёта. Женя тоже молчит. Лера — тем более.

Может, у них нет интернета? Или разрядились телефоны? Или они просто... забыли?

Я чувствую, как внутри поднимается раздражение. Глупое, детское раздражение, которое я не могу объяснить даже себе. Они улетели без меня, это я ещё могу пережить. Но они могли бы хотя бы написать, что долетели. Что всё в порядке. Что они на месте.

Я открываю общий чат. Последнее сообщение — от Маши, вчера, 23:47: «Взлетаем! В следующем году будем все вместе!» Я смотрю на эти слова и чувствую, как они врезаются в память. В следующем году. Мы так часто говорим «в следующем году», будто у нас бесконечный запас этих самых лет.

Пальцы замирают над клавиатурой. Я хочу написать: «Девочки, как вы? Долетели?», но что-то останавливает. Не хочу быть той, кто пишет первой. Не хочу казаться навязчивой. Не хочу, чтобы они подумали, что я сижу и жду от них вестей, хотя это именно то, чем я сейчас занимаюсь.

Я убираю телефон, допиваю кофе, иду в душ.

Горячая вода смывает остатки сна, но не смывает тревогу. Она сидит где-то глубоко, в солнечном сплетении, тупым, ноющим комом, который не проходит. Я стою под струями, закрыв глаза, и пытаюсь убедить себя, что всё в порядке. Они летели нормальным рейсом, с проверенной авиакомпанией. Они взрослые люди, которые умеют о себе позаботиться. У них просто нет времени на телефоны — они отдыхают, наслаждаются, живут полной жизнью.

Я выхожу из душа, заворачиваюсь в полотенце, смотрю на себя в зеркало. Лицо бледное, под глазами — тени, которые не скроет никакой консилер. Волосы мокрыми прядями падают на плечи. Я выгляжу так, будто не спала неделю, хотя спала почти восемь часов.

Одеваюсь медленно, без обычной утренней спешки. Джинсы, свитер, тёплые носки. Сегодня можно было бы не ехать в офис — официально у меня выходной до пятого. Но вчера, когда я сдавала документы на ресепшн, мне позвонил Кирилл и сказал, что завтра нужно будет приехать, чтобы разобрать пометки, которые я оставила. Его голос в трубке звучал ровно, буднично, будто первое января — обычный рабочий день. Я хотела возразить, сказать, что у меня выходной, что я имею право отдохнуть хотя бы один день, но не стала. Бесполезно.

Я беру сумку, ключи, телефон. На пороге задерживаюсь, смотрю на прихожую, где до сих пор стоит наполовину собранный чемодан. Я так и не разобрала его после того вече-

ра. Купальники, лёгкие платья, сандалии — всё это лежит там, дожидаясь неведомого часа, когда мне снова понадобится. Надо бы разобрать. Но рука не поднимается.

Я закрываю дверь и спускаюсь вниз.

На улице холодно. Снег скрипит под ногами, ветер бьёт в лицо, заставляя щуриться. Я вызываю такси — ждать приходится минут десять, и за это время я успеваю замёрзнуть так, что зубы выбивают дробь. Сажусь в машину, называю адрес офиса, и мы едем через спящий город.

Водитель — мужчина лет пятидесяти, с уставшим лицом и добрыми глазами — пытается заговорить:

— С праздником вас!

— И вас, — отвечаю я, и мой голос звучит глухо.

— А вы на работу? В праздник-то?

— Да, — коротко говорю я и отворачиваюсь к окну.

Он понимает, что я не настроена на разговоры, и замолкает. В машине играет радио, какая-то новогодняя песня, которую крутят уже третью неделю. Я слушаю и не слышу. Мысли снова улетают туда, где сейчас, наверное, садится солнце, и мои подруги сидят на пляже, смотрят на закат и пьют что-то холодное и сладкое.

Почему они не пишут?

Мы подъезжаем к офису. Я расплачиваюсь, выхожу из машины и смотрю на стеклянное здание, в котором провела вчерашний вечер. Сейчас оно выглядит ещё более пустым, чем вчера — на парковке всего несколько машин, в окнах

— темнота. Только на седьмом этаже, в нашем отделе, горит свет.

Значит, он уже здесь.

Я прохожу через турникет, здороваюсь с охранником, который смотрит на меня с лёгким удивлением — видимо, не ожидал увидеть кого-то в первый день года. Поднимаюсь на лифте, иду по пустому коридору, толкаю дверь в отдел.

Он сидит за своим столом, в кабинете, который отделён от общего пространства стеклянной перегородкой. Я вижу его через прозрачную стену: он склонился над бумагами, рубашка снова без галстука, воротник расстёгнут, волосы взлохмачены. На столе — чашка с кофе и та самая папка, которую я вчера оставила с пометками.

Я захожу в свой угол, вешаю пальто, сажусь за стол. Не здороваюсь. Не вижу смысла.

Проходит минута, другая. Он не выходит, не зовёт меня. Я открываю ноутбук, проверяю почту — ничего нового. Смотрю на часы — почти одиннадцать. Там, где мои подруги, уже почти шесть вечера. Солнце, наверное, садится, и они уже вернулись в отель, переодеваются к ужину. Или сидят в баре, смотрят на океан, смеются.

Я снова беру телефон, открываю общий чат. Пусто.
— Инга, зайдите.

Голос Кирилла раздаётся из динамика внутренней связи, и я вздрагиваю. Он звучит глухо, с хрипотцой, будто он не спал всю ночь или простудился. Я встаю, иду к его кабинету,

толкая дверь.

Он сидит за столом, и теперь, вблизи, я вижу то, что не заметила вчера: круги под глазами, неестественная бледность, руки, которые лежат на столе неподвижно, будто он экономит силы. Он выглядит уставшим. Сильно уставшим. Но я не позволяю себе сочувствовать. Не сегодня.

— Вы оставили пометки, — говорит он, пододвигая ко мне папку. — По пункту 7.3 и пятому договору. Я всё исправил. Посмотрите, пожалуйста.

Я беру папку, открываю. Пункт 7.3 действительно исправлен, теперь ссылка ведёт на правильное приложение. В пятом договоре исправлена сумма. Всё аккуратно, разборчиво, его подпись стоит внизу каждой страницы.

— Всё верно, — говорю я и закрываю папку.

— Тогда отправляйте, — он откидывается на спинку кресла, и я замечаю, как он потирает переносицу — жест, который я видела у него только в дни самых сложных отчётов, когда мы работали до ночи.

— Сейчас, — я разворачиваюсь, чтобы выйти, но его голос останавливает меня.

— Инга.

Я оборачиваюсь. Он смотрит на меня, и в его взгляде — что-то, чего я не могу определить. Не привычное «я начальник, ты никто». Что-то другое. Усталость, может быть. Или сомнение.

— Вы вчера... — он делает паузу, будто подбирает слова.

— Вы справились. Спасибо.

Я застываю на месте. Спасибо? Он сказал «спасибо»? За два года работы я слышала от него много чего: «сделайте», «исправьте», «переделайте», «это срочно». Но чтобы «спасибо» — впервые.

— Не за что, — отвечаю я и выхожу, потому что не знаю, что ещё сказать.

Возвращаюсь к своему столу, открываю ноутбук, вхожу в корпоративную почту. Прикрепляю файлы, пишу сопроводительное письмо, отправляю контрагентам. Дело пяти минут. После этого мне здесь, в принципе, делать нечего.

Но я не уйду.

Я сижу за столом, смотрю в окно на снегопад, который всё не прекращается, и думаю о том, что сейчас происходит там, за тысячи километров отсюда. Почему они не пишут? Я уже не злюсь, я начинаю беспокоиться. Тихо, на заднем плане, но беспокойство растёт, как снежный ком, который катится с горы, захватывая всё новые слои.

Может, у них села батарея? Может, они потеряли телефоны? Может, они просто решили устроить цифровую детоксикацию и не пользоваться интернетом во время отдыха?

Я пытаюсь убедить себя в этом, но где-то в глубине сознания шевелится что-то тёмное, липкое, неоформленное. Я отгоняю это чувство, как назойливую муху, но оно возвращается.

— Вы ещё здесь?

Я поднимаю голову. Кирилл стоит в проходе, прислонившись к дверному косяку. В одной руке — кружка с чаем, в другой — телефон. Он смотрит на меня с тем же выражением, которое я уже видела сегодня: усталость, смешанная с чем-то ещё.

— Я отправила документы, — говорю я. — Можете проверить.

— Я уже проверил, — он делает глоток чая. — Всё в порядке. Вы можете идти.

Я киваю, но не встаю. Почему-то мне не хочется уходить. Не потому, что мне нравится здесь сидеть, а потому, что дома меня ждёт тишина и чемодан, который я так и не разобрала. И телефон, в который никто не пишет.

Кирилл, видимо, замечает мою нерешительность. Он делает шаг вперёд, садится на край стола коллеги напротив меня — непринуждённо, будто мы не начальник и подчинённая, а просто два человека, оказавшиеся в пустом офисе в первый день нового года.

— Что-то случилось? — спрашивает он, и в его голосе нет обычной сухости.

Я смотрю на него и думаю: сказать или нет? С одной стороны, он — последний человек, с которым я хочу делиться личным. С другой — я сижу здесь уже полчаса, и мне нужно кому-то сказать о том, что меня гложет, потому что если я не скажу, я просто сойду с ума.

— Мои подруги улетели вчера, — говорю я, и слова вы-

ходят глухими. — На отдых. А я осталась... из-за работы.

Он молчит. Я жду, что он скажет что-то вроде «это было необходимо» или «вы же понимаете, проект важнее», но он не говорит. Он просто смотрит, и в его глазах я вижу что-то, что заставляет меня продолжать.

— Они должны были прилететь сегодня утром, по местному времени. Но они не выходят на связь. — Я сжимаю пальцы в кулак, чтобы не выдать дрожь. — Я думаю, может, у них сели телефоны. Или они просто отдыхают. Но...

— Вы волнуетесь, — заканчивает он за меня.

— Нет, — я быстро говорю, но тут же понимаю, что это ложь. — Да. Немного.

Он кивает, отставляет кружку, и я замечаю, как его пальцы дрожат — едва заметно, но я вижу. Может, он тоже не спал. Может, у него свои причины быть здесь в первый день нового года.

— Они летели нормальным рейсом? — спрашивает он, и этот вопрос кажется мне странным. Слишком конкретным.

— Да, — я пожимаю плечами. — Прямой рейс, без пересадок. Всё по билетам.

— Тогда всё будет в порядке, — он говорит это ровно, спокойно, и в его голосе нет той уверенности, которую он, вероятно, хочет мне передать. Но я благодарна ему за эти слова. Даже если это просто дежурная фраза.

— Наверное, — я встаю, собирая сумку. — Я пойду. Спасибо, что... выслушали.

Он встаёт тоже, и теперь мы стоим друг напротив друга, разделённые метром пустого оупенспейса. В кабинете тихо, только вентиляция гудит где-то под потолком и снег шуршит за окном.

— Инга, — говорит он, когда я уже берусь за ручку двери. — Если что, вы всегда можете... — он запинаясь, будто не знает, как правильно сформулировать. — Позвонить. Если понадобится помощь.

Я смотрю на него и вижу человека, которого не знала раньше. Не начальника, не Змея Горыныча, а просто мужчину, который, возможно, тоже одинок в этом городе. Который тоже не с кем встретить Новый год. Который тоже сидит в пустом офисе, потому что не знает, куда себя деть.

Но я не хочу думать о нём хорошо. Не сегодня. Не после того, что он сделал.

— Спасибо, — говорю я и выхожу.

Домой я еду на автобусе. Город всё так же пуст, только редкие прохожие бредут по тротуарам, утопая в снегу. Я смотрю в окно, и перед глазами мелькают витрины магазинов с табличками «Закрыто», ёлки, которые ещё не разобрали, гирлянды, которые продолжают мигать, хотя праздник уже прошёл.

В автобусе, кроме меня, только двое: пожилая женщина с тяжёлыми сумками и парень в наушниках, который смотрит в телефон и улыбается чему-то. Я смотрю на него и завидую — его миру, в котором всё просто, в котором есть место

улыбкам и новогоднему настроению.

Мой мир сегодня — это тишина в телефоне и чувство, что что-то не так.

Я приезжаю домой, раздеваюсь, прохожу на кухню. Завариваю чай, сажусь за стол. Достая телефон и снова открываю общий чат.

Пусто.

Я пишу: «Девочки, как вы? Долетели?»

Сообщение уходит, но ответа нет. Я жду минуту, другую, третью. Ничего.

Может, у них нет связи? Может, они ещё не прилетели? Но я же проверила — рейс должен был приземлиться в десять утра по местному времени. Сейчас там почти семь вечера. Они давно на месте.

Я открываю приложение авиакомпании, ввожу номер рейса. Информация о прилёте есть: самолёт приземлился по расписанию, в 10:05. Всё в порядке. Значит, они точно на месте.

Почему же они молчат?

Я откладываю телефон, иду в комнату. Смотрю на чемодан, который стоит в углу прихожей, и принимаю решение: надо его разобрать. Хватит жить прошлым. Хватит ждать сообщений, которые, возможно, не придут. Они позвонят, когда позвонят. А я должна жить своей жизнью.

Я открываю чемодан, начинаю вынимать вещи. Купальник — ярко-синий, с цветочным принтом, который я купи-

ла специально для этого отпуска. Я смотрю на него и чувствую, как к горлу подкатывает ком. Я так хотела надеть его на пляж. Так хотела почувствовать солнце на коже, услышать шум прибоя, забыть о работе, о дедлайнах, о начальнике, который смотрит на меня своими серыми глазами и говорит: «Инга, это срочно».

Я складываю купальник в шкаф, достаю следующую вещь. Лёгкое платье — белое, с открытой спиной, которое я купила на распродаже и так ни разу не надела. Я прижимаю его к себе и чувствую запах нового — тот самый, который бывает у вещей, которые ещё не носили. Может быть, когда-нибудь я его надену. Может быть, в другой отпуск. В следующем году.

Следом идут сандалии, шляпа, солнцезащитные очки, книга, которую я планировала прочитать на пляже. Я раскладываю всё по местам, и с каждым разобранным предметом чувство потери становится острее. Я не просто не полетела в отпуск. Я потеряла что-то большее — ощущение, что жизнь идёт так, как я хочу. Что я сама ей управляю.

К вечеру я заканчиваю с чемоданом, убираю его на антресоли. На кухне завариваю пасту, ем, почти не чувствуя вкуса. Сажусь на диван с чашкой чая и снова беру телефон.

В общем чате по-прежнему пусто.

Я начинаю прокручивать ленту в соцсети в надежде увидеть хоть что-то — новое фото, сторис, любой намёк на то, что они живы и здоровы. Маша молчит. Женя молчит. Лера молчит.

Я пишу Варе: «Ты ничего не слышала от девчонок?»

Варя отвечает почти сразу: «Нет. Тоже жду. Думаю, у них нет интернета или просто отдыхают. Не переживай».

Я смотрю на её сообщение и чувствую, что тревога не уходит. «Не переживай» — это то, что говорят, когда сами переживают. Я знаю Варю, она бы уже давно написала в общий чат, если бы не волновалась. Но она молчит. И это молчание говорит громче любых слов.

Я пишу в общий чат снова: «Девочки, отзовитесь, пожалуйста. Я волнуюсь».

Сообщение отправлено. Я смотрю на экран, жду. Минута, две, пять. Никакого ответа.

Я звоню Маше. Гудки идут долго, потом включается автоответчик. Я звоню Жене — то же самое. Лере — то же самое.

Сердце начинает биться быстрее. Я сижу на диване, сжимая телефон в руках, и чувствую, как внутри разрастается паника. Я пытаюсь убедить себя, что всё в порядке. Что они просто забыли зарядить телефоны. Что они на пляже, и им не до меня. Что я параноик.

Но где-то глубоко, там, где живут самые тёмные страхи, рождается мысль: а что, если что-то случилось?

Я отгоняю её, как только она появляется. Не смей. Не думай об этом. Всё будет хорошо. Всё должно быть хорошо.

Я иду в ванную, умываюсь холодной водой, смотрю на себя в зеркало. Глаза красные, лицо бледное. Я выгляжу так, будто не спала неделю, хотя проспала почти восемь часов.

Надо лечь. Надо поспать. Завтра всё будет по-другому. Завтра они обязательно позвонят.

Я ложусь в постель, выключаю свет, закрываю глаза. Но сон не идёт. В голове крутятся обрывки мыслей, фотографии из соцсети, сообщения, которые так и не пришли. Я представляю их в самолёте — смеющихся, счастливых, пьющих шампанское. Я представляю их на пляже — в тех самых купальниках, которые мы выбирали вместе. Я представляю их в баре — с коктейлями в руках, под звуки волн.

Я представляю всё, что угодно, только не то, чего боюсь.

В два часа ночи я снова беру телефон. В общем чате по-прежнему пусто. Ни одного сообщения. Ни одной сторис. Ни одного намёка на то, что они вообще существуют.

Я пишу: «Девочки, пожалуйста, ответьте. Я очень волнуюсь».

И жду.

Тишина.

Я сижу в темноте, сжимая телефон, и слушаю, как за окном воеет ветер. Снег всё идёт, заматаывая следы, стирая границы между домами и дорогами, между прошлым и будущим.

Я ещё не знаю, что это молчание продлится не один день. Что оно станет фоном для всего, что случится дальше. Что я буду возвращаться к этому вечеру снова и снова, прокручивая в голове те минуты, когда ещё можно было что-то изменить, когда ещё можно было...

Но я ничего не знаю. Я просто сижу в темноте и жду.

А телефон молчит.

Глава 3

Я просыпаюсь от собственного крика.

Сон, который я видела, не был страшным в обычном понимании этого слова. Мне снилось кафе, то самое, где мы сидели с подругами, выбирая тур. Те же столики, тот же запах корицы, та же музыка, играющая на заднем плане. Только за столиком сидела я одна. Передо мной стояли четыре чашки, и кофе в них остывал, покрываясь тонкой плёнкой. Я смотрела на эти чашки и понимала, что подруги не придут. Никогда.

Я села в постели, обхватив голову руками. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, сейчас выпрыгнет из груди. В горле пересохло, на лбу выступила испарина. Я сидела так несколько минут, пытаюсь отдышаться, убеждая себя, что это был просто сон. Просто глупый, бессмысленный сон, который ничего не значит.

За окном светало. Серый, мутный рассвет пробивался сквозь занавески, окрашивая комнату в цвет свинца. Снегопад, кажется, прекратился, но небо оставалось тяжёлым, низким, будто нависало над городом, готовясь обрушить новый заряд.

Я потянулась к телефону. Первое, что я сделала — открыла общий чат.

Ничего. Пустота.

Вчерашние сообщения так и остались без ответа. Моё последнее, отправленное в два часа ночи, висело в чате одиноким напоминанием о моём беспокойстве. Я смотрела на него и чувствовала, как внутри нарастает глухая, тягучая тревога. Не паника — пока нет. Но что-то, что очень быстро могло в неё превратиться.

Я набрала номер Маши. Гудки. Долгие, бесконечные гудки. Потом автоответчик.

Женя — то же самое.

Лера — то же самое.

Я сбросила вызов и уставилась в потолок. В голове крутились десятки объяснений: у них разрядились телефоны, они забыли зарядки, они в зоне, где нет связи, они просто не хотят ни с кем разговаривать, потому что отдыхают. Все эти объяснения казались разумными. Все они могли быть правдой.

Но почему-то я им не верила.

Я встала с кровати, прошла на кухню, включила чайник. Руки дрожали, когда я доставала чашку, когда засыпала кофе, когда наливала кипяток. Я смотрела на чёрную жидкость, поднимающуюся в кружке, и не могла отвести взгляд. Мысли путались, перескакивали с одного на другое, не давая сосредоточиться.

Чайник закипел, я залила кофе, села за стол. Телефон лежал рядом, и я смотрела на него, как на змею, которая может укусить в любую секунду. Позвонить ещё раз? Подождать?

Написать в чат? Что я вообще делаю? Прошёл всего один день. Один день без вестей — это не повод для паники. Люди пропадают из сети на несколько дней, когда уходят в отпуск. Это нормально. Это абсолютно нормально.

Я сделала глоток кофе и поморщилась — он был слишком горьким. Я забыла положить сахар. Или не забыла, просто не подумала об этом. Мои мысли были заняты другим.

Я встала, подошла к окну. На улице было тихо. Снег, выпавший за ночь, лежал нетронутыми сугробами, только редкие следы машин пересекали двор. Деревья стояли белые, опущённые инеем, и в этом было что-то неестественное, театральное, будто город готовился к съёмкам фильма, а не к обычной жизни.

Я вернулась к столу, взяла телефон, открыла приложение новостей. Не потому, что я ждала каких-то новостей. Просто чтобы отвлечься, занять голову чем-то, что не связано с молчанием в чате.

Первая же новость заставила моё сердце остановиться. «Пассажирский самолёт, следовавший рейсом 4720 по маршруту Москва — Пунта-Кана, пропал с радаров над Атлантическим океаном».

Я смотрела на экран, и слова расплывались перед глазами. Рейс 4720. Москва — Пунта-Кана. Тот самый рейс. Наш рейс. Их рейс.

— Этого не может быть, — прошептала я, и мой голос прозвучал чужим, далёким, будто его произносил кто-то

другой. — Этого не может быть.

Я перечитывала заголовок снова и снова, надеясь, что в следующий раз он окажется другим. Но текст не менялся. Слова оставались теми же, выстроенными в ту же роковую последовательность.

Мои пальцы дрожали, когда я открыла статью. Официальное сообщение: самолёт вылетел из аэропорта Внуково 24 декабря в 23:50 по московскому времени. Последний сеанс связи был зафиксирован в 5:14 утра по московскому времени, когда самолёт находился над Атлантическим океаном. После этого борт исчез с радаров. Поисковые работы начаты, но на данный момент информации о судьбе самолёта и пассажиров нет.

Я уронила телефон. Он упал на стол с глухим стуком, и я вздрогнула, будто от выстрела. В голове был белый шум, перед глазами всё плыло. Я сидела, вцепившись в край стола, и не могла дышать. Воздух, казалось, исчез из комнаты, и каждый вдох давался с трудом.

Они были там. Они были на этом самолёте. Маша, Женя, Лера — все они.

Я схватила телефон, набрала номер Маши. Гудки. Долгие, бесконечные гудки, которые тянулись вечностью. Потом автоответчик. Я сбросила, набрала снова. Автоответчик. Снова. Автоответчик.

Я набрала Жене. Тишина. Лере. Тишина.

— Нет, нет, нет, — шептала я, и слёзы текли по щекам,

хотя я не чувствовала их. — Пожалуйста, только не это. Пожалуйста.

Я открыла общий чат. Мои сообщения, отправленные вчера и сегодня утром, висели в нём, как крики в пустоте. Я написала снова: «Девочки, ответьте, пожалуйста. Пожалуйста, ответьте. Я умоляю».

Сообщение ушло. Я смотрела на экран, на две галочки, которые означали, что сообщение доставлено. Доставлено, но не прочитано. Оно так и осталось недоставленным.

Я набрала номер Вари. Она ответила после второго гудка. — Ты видела новости? — спросила я, и мой голос сорвался.

— Видела, — голос Вари звучал глухо, будто она плакала. — Я уже час звоню. Никто не отвечает. Ни Маша, ни Женя, никто.

— Этого не может быть, — повторила я, потому что не могла сказать ничего другого. — Может, они не полетели? Может, они остались? Может, они...

— Инга, — голос Вари был твёрдым, но в нём чувствовалась дрожь. — Они полетели. Мы видели, как они проходили регистрацию. Мы видели, как они заходили на посадку. Они были на борту.

Я закрыла глаза. Передо мной стояла картинка: Маша машет мне рукой, улыбается, кричит что-то, но я не слышу слов. Женя поправляет волосы, говорит по телефону. Лера смеётся, запрокинув голову. Они были там. Я видела их. Я

видела, как они уходят на посадку.

— Что нам делать? — спросила я, и мой голос прозвучал детским, беспомощным.

— Я уже связалась с родственниками Маши, — сказала Варя. — Они едут в аэропорт. Там собирают всех, кто ждёт информацию. Я тоже поеду. Ты как?

— Я... — я посмотрела на часы. — У меня работа. Мне нужно в офис.

— Какая работа?! — Варя почти закричала. — Инга, самолёт пропал! Твои подружки там! Ты что, собираешься сидеть в офисе и перебирать бумажки?

— Я не знаю, — прошептала я. — Я не знаю, что мне делать. Я не знаю.

— Приезжай в аэропорт, — сказала Варя. — Мы должны быть вместе. Мы должны что-то делать. Не оставайся одна.

Я смотрела в окно, на серое небо, на белые крыши, на мир, который продолжал существовать, будто ничего не случилось. Где-то там, за тысячи километров отсюда, над океаном, возможно, всё ещё летел самолёт. Или уже не летел. Я не знала. Никто не знал.

— Я приеду, — сказала я. — Как только смогу.

Я сбросила вызов и некоторое время сидела неподвижно, глядя в одну точку. Мысли не шли. В голове был только белый шум и обрывки фраз: «пропал с радаров», «поисковые работы начаты», «информации о судьбе самолёта нет».

Я встала, прошла в ванную, открыла кран. Холодная вода

полилась на руки, и я смотрела на неё, не чувствуя холода. Умылась, вытерла лицо полотенцем, посмотрела в зеркало. На меня смотрело чужое лицо — бледное, с красными глазами, с дрожащими губами. Я не узнавала себя.

Я оделась механически, как робот: джинсы, свитер, куртка. Собрала сумку, сунула туда телефон, зарядку, документы. Не знала, зачем мне документы, но взяла. На всякий случай.

Перед выходом я задержалась на пороге, снова достала телефон, набрала номер Маши. Гудки. Автоответчик. Я не стала ничего говорить — просто сбросила.

В офисе я оказалась через час. Не помнила, как ехала, как заходила в здание, как поднималась на лифте. Всё было как в тумане — размытые очертания, приглушённые звуки, ощущение нереальности происходящего. Я шла по коридору, и каждый шаг давался с трудом, будто я передвигалась в воде.

В отделе было тихо. Наши коллеги ещё не вышли на работу — только я и, наверное, он. Свет горел только в его кабинете, но я не смотрела в ту сторону. Прошла к своему столу, села, уставилась в монитор. Ноутбук включился, запросил пароль, и я смотрела на мигающий курсор, не в силах вспомнить комбинацию цифр.

Пальцы сами набрали пароль, хотя я не думала об этом. Рабочий стол загрузился, открылась почта, но я не видела писем. Я смотрела сквозь них, туда, где за окном проплывали облака, такие же белые, как те, над которыми летели мои

подруги.

Или не летели уже.

Я закрыла глаза, пытаясь прогнать эту мысль. Нельзя так думать. Нельзя. Они живы. Они обязательно живы. Самолёт просто потерял связь. Он мог сесть на воду, мог приземлиться где-то, где нет связи. С ними всё в порядке.

Я открыла новостную ленту. Обновлений не было. Всё то же сообщение, те же слова, та же неизвестность.

Я взяла телефон, набрала номер Маши. Автоответчик.

Набрала Жене. Тишина.

Набрала Лере. Ничего.

Я сидела, сжимая телефон в руке, и не знала, что делать. Работать я не могла — цифры и буквы расплывались перед глазами. Домой идти не хотелось — там было пусто и тихо. Аэропорт... я обещала Варе приехать, но почему-то не могла заставить себя встать. Будто если я останусь здесь, за этим столом, в этом привычном, знакомом пространстве, то ничего страшного не случится. Будто всё будет по-прежнему.

— Инга?

Я подняла голову. Кирилл стоял в проходе, смотрел на меня, и выражение его лица было... другим. Не тем, к которому я привыкла. Не начальническим, не отстранённым. Он смотрел с беспокойством, и это было так неожиданно, что я не нашлась, что ответить.

— Вы здесь? — спросил он, делая шаг в мою сторону. — Я не ожидал вас сегодня увидеть. У вас же выходной до пятого.

Я смотрела на него и не могла вымолвить ни слова. Губы дрожали, в горле стоял ком, который не давал дышать. Я хотела сказать что-то вроде «всё в порядке» или «я просто зашла проверить почту», но не смогла. Слова застревали где-то внутри, не находя выхода.

Кирилл подошёл ближе. Я видела, как его взгляд скользнул по моему лицу — бледному, заплаканному, с красными глазами. Он остановился напротив, и впервые за два года я не почувствовала той привычной стены, которая всегда стояла между нами.

— С вами всё в порядке? — спросил он, и в его голосе не было обычной сухости. Только вопрос. Простой, человеческий вопрос, на который я не знала, как ответить.

И тут меня прорвало.

— В порядке? — я вскочила, и стул отлетел назад, ударившись о перегородку с глухим стуком. — В порядке?! Вы спрашиваете, в порядке ли я?!

Я смотрела на него, и всё, что копилось внутри за эти дни — злость, обида, отчаяние, страх — вырвалось наружу, как лава из жерла вулкана.

— Нет, я не в порядке! — мой голос сорвался на крик, и я не могла остановиться. — Мои подруги летели этим рейсом! Тем самым, который пропал! Тем самым, который я должна была лететь с ними! А я осталась здесь! Из-за вас!

Я ткнула в него пальцем, и он сделал шаг назад. В его глазах я увидела растерянность — настоящую, неподдельную

растерянность. Он не знал. Он не мог знать. Но мне было всё равно.

— Я должна была быть с ними! — кричала я, и слёзы текли по щекам, заливая лицо, капая на свитер. — Я должна была быть на том самолёте! Я должна была лететь! А вы... вы заставили меня остаться! Вы и ваши чёртовы бумажки! Ваш проект! Ваши дедлайны!

Я схватила со стола первую попавшуюся папку и швырнула её в стену. Бумаги разлетелись по всему кабинету, как огромные снежные хлопья, белые, бессмысленные, ненужные.

— Инга, — голос Кирилла звучал тихо, осторожно, будто он говорил с раненым зверем. — Я не знал. Я не...

— Вы не знали?! — я расхохоталась, и в этом смехе было столько боли, что я сама испугалась. — Конечно, вы не знали! Откуда вам знать?! Вы же не спрашиваете! Вы никогда ничего не спрашиваете! Для вас я — просто винтик в вашей машине! Функция! Рабочая единица!

Я замолчала, тяжело дыша. В голове гудело, перед глазами всё плыло. Я видела, как бумаги медленно опускаются на пол, как они ложатся на ковролин белым покрывалом. Видела растерянное лицо Кирилла, который смотрел на меня так, будто видел впервые.

— Они пропали, — сказала я, и голос мой сорвался на шёпот. — Мои подруги. Мои лучшие подруги. Они летели отдыхать, а я... я осталась здесь, потому что вы сказали, что

проект важнее. Что работа важнее.

Я опустилась на стул, закрыла лицо руками. Плечи тряслись, но слёзы уже кончились. Осталась только пустота — огромная, холодная пустота внутри.

Тишина в кабинете была такой плотной, что её можно было резать. Я слышала, как тикают часы на стене, как гудит вентиляция, как за окном проезжает редкая машина. И я слышала его дыхание — ровное, спокойное, но какое-то другое, не такое, как всегда.

— Инга, — он произнёс моё имя, и я почувствовала, что он сел на стул напротив. Я не видела его, но чувствовала. — Расскажите, что случилось.

Я подняла голову. Он сидел напротив, положив руки на колени, и смотрел на меня. В его серых глазах не было того холодного блеска, к которому я привыкла. Они были тёплыми, серьёзными, и в них я увидела что-то, чего никогда не замечала раньше.

— Самолёт пропал, — сказала я, и каждое слово давалось с трудом. — Тот самый, которым они летели. Он исчез с радаров над океаном. Его не могут найти.

— Я видел новости, — кивнул Кирилл. — Но я не знал, что там были ваши подруги.

— Они должны были лететь все, — продолжала я, и слова лились сами собой, как вода из прорванной плотины. — Мы купили тур, шесть человек. Но Кристина с Олей попали в аварию, Дашу обокрали в аэропорту, Варя не смогла вы-

лететь из-за семейных обстоятельств. А я... я осталась из-за работы. Из-за вас. А они полетели. Маша, Женя, Лера. Они полетели, и теперь...

Я замолчала, не в силах закончить фразу.

Кирилл молчал. Я смотрела на него и ждала — чего? Оправданий? Извинений? Объяснений, почему его проект был важнее моей жизни? Но он не говорил ничего. Он просто сидел напротив, и его лицо было бледным, почти таким же бледным, как моё.

— Я пыталась им дозвониться, — сказала я. — С утра. Никто не отвечает. Телефоны выключены или... или их нет.

— Может быть, у них просто сели батареи, — тихо сказал Кирилл. — Или они в зоне, где нет связи.

— Самолёт пропал, — повторила я, и мой голос снова начал срываться. — Его нет на радарх. Его не могут найти. Что ещё может быть?

— Есть много вариантов, — его голос был спокойным, но я чувствовала, что он старается говорить уверенно, хотя сам не уверен ни в чём. — Техническая неисправность, проблемы со связью, вынужденная посадка. Поиски только начались.

— Вы сами в это верите? — спросила я, глядя ему в глаза.

Он не ответил. Отвёл взгляд, и я поняла, что не верит. Никто не верит. Мы все просто делаем вид, что есть надежда, потому что без надежды невозможно дышать.

— Я должен был отпустить вас, — вдруг сказал Кирилл,

и я посмотрела на него с удивлением. — Проект можно было сдать и после праздников. Документы не были настолько срочными. Я просто... я не хотел, чтобы вы улетали.

Я замерла. Эти слова повисли в воздухе, и я не понимала их смысла.

— Что? — переспросила я.

Он провёл рукой по лицу, и я заметила, как дрожат его пальцы. Впервые за два года я видела его таким — неуверенным, растерянным, почти испуганным.

— Я не хотел, чтобы вы улетали, — повторил он тихо. — Я знал, что вы берёте отпуск, знал, что вы собираетесь лететь. И я... я придумал причину, чтобы вы остались. Проект можно было закончить раньше. Я намеренно затянул, чтобы у вас не было выбора.

Я смотрела на него, и мир вокруг рушился. Не только самолёт над океаном. Не только надежды на отпуск. А что-то ещё, во что я верила, что считала незыблемым.

— Вы... вы специально? — прошептала я. — Вы специально заставили меня остаться?

— Да, — он не отводил взгляда. — Я думал... я не знаю, что я думал. Может быть, что мы закончим проект, вы перенесёте отпуск, и всё будет как обычно. Я не знал, что они полетят без вас. Я не знал, что самолёт пропадёт. Я не знал...

— Вы не знали, — я встала, и он тоже поднялся. — Вы не знали. Вы просто хотели, чтобы я осталась. Чтобы я работала. Чтобы я делала ваши отчёты, проверяла ваши договоры,

исправляла ваши ошибки. Потому что для вас я — удобный инструмент.

— Нет, — он покачал головой, и в его голосе появилось что-то, чего я никогда не слышала. Отчаяние? — Это не так. Инга, это не так.

— А как? — я смотрела на него, и слёзы снова текли по щекам. — Как это называется, если не это? Вы украли у меня отпуск. Вы украли у меня возможность быть с ними. Вы...

Я не договорила. Не могла произнести это вслух.

Кирилл сделал шаг ко мне, но я отступила.

— Не подходите, — сказала я, и голос мой был холодным, как лёд. — Не приближайтесь ко мне.

Он замер. Мы стояли друг напротив друга, разделённые бумагами, которые разлетелись по полу, разделённые словами, которые нельзя было взять обратно.

— Я не хотел вам зла, — тихо сказал он. — Я хотел... я хотел, чтобы вы были рядом. Чтобы вы...

— Чтобы я работала, — закончила за него я. — Всегда. Все праздники. Все выходные. Потому что вы — начальник, а я — никто.

— Это не правда, — его голос дрогнул. — Вы знаете, что это не правда.

— Я ничего не знаю, — я покачала головой. — Я не знаю, живы ли мои подруги. Я не знаю, увижу ли я их когда-нибудь. Я не знаю, почему я здесь, а не там, с ними. Я ничего не знаю.

Я развернулась и пошла к выходу, но он окликнул меня:

— Инга, постойте.

Я остановилась, но не обернулась.

— Я найму лучших адвокатов, — сказал он. — Детективов. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы их нашли. Я...

— Вы ничего не можете сделать, — тихо сказала я. — Никто не может. Только ждать.

Я вышла из кабинета, прошла через пустой оупенспейс, нажала кнопку лифта. Ждала, глядя на закрытые двери, на своё отражение в матовом стекле. Бледное, чужое лицо. Глаза, которые смотрели на меня с осуждением.

Лифт приехал, я зашла, нажала на первый этаж. Двери закрылись, и я осталась одна в маленькой кабинке, под мерный гул механизма.

Я достала телефон, набрала номер Маши.

Гудки. Автоответчик.

Я набрала Жене. Тишина.

Лере. Ничего.

Я сползла по стене лифта, села на пол, обхватив колени руками. Лифт ехал вниз, отсчитывая этажи, а я сидела и слушала гудки, которые никто не снимал. И знала, что буду звонить снова. И снова. И снова. Потому что если я перестану звонить, это будет значить, что я сдалась. А я не имела права сдаваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.